
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИРИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МЫСЛИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX ВВ.

УДК 82-141

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-105-118>

Татьяна Александровна КОШЕМЧУК,

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков и культуры речи,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет;
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: koshemchukt@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется одна из ключевых линий русской поэзии – тема мысли, ума, сознания, которая ранее не выделялась исследователями русской лирики, тогда как она важна для описания картины мира поэта. Являясь одной из смысловых вершин мировоззренческой концепции, поэтические размышления о мысли образуют своего рода лирическую феноменологию сознания. Материалом для анализа служат стихотворения о мысли, уме, сознании, выбранные у Пушкина, Боратынского, Соловьева, А. Белого и Лосева. Эти произведения образуют единый метатекст со своим развитием. Так, ряд глубоких и тонких наблюдений о мыслительной жизни человека обнаруживаются у Пушкина, считавшего мышление смыслом человеческого бытия. Мысль холодная, обесценивающая жизнь явлена в стихах Боратынского, в которых проявлен уклон к скептицизму в трактовке темы. Рассматриваются также стихи, включающие в себя ключевые цитаты из известных философов, этот прием исследуется у Боратынского, Соловьева, А. Белого. Отмечена характерная черта – четкое отграничение словесно выраженной мысли от поэтических созерцаний и видений в лирике Соловьева. Показано, что линия ума в русской поэзии достигла кульминации в поэтическом гнонисе А. Белого на путях антропософской мысли, а также в поэтических умозрениях Лосева, сопряженных с традицией русской православной духовности. Делается вывод: стихотворения о мысли, уме, сознании и самосознании свидетельствуют о том, что русская классическая поэзия и продолжающая ее лирика серебряного века могут быть рассмотрены, в согласии с характеристикой А. Белого, в контексте этапа самосознания русской культуры в целом.

Ключевые слова: поэтическая мысль, метатекст, тема мысли в поэзии, поэтическая рефлексия, поэтические видения, русская философская лирика, антропософская поэзия А. Белого, поэзия А.Ф. Лосева.

Для цитирования: Кошемчук Т. А. Лирическая феноменология мысли в русской поэзии XIX–XX вв. // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №1 (52). С. 105–118. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-105-118>

LYRICAL PHENOMENOLOGY OF THOUGHT IN RUSSIAN POETRY OF THE XIX–XX CENTURIES

Tatyana A. Koshemchuk,

DSc in Philology, Professor,

Head of the Department of Foreign Languages and Speech Culture,

St. Petersburg State Agrarian University;

St. Petersburg, Russian Federation,

e-mail: koshemchukt@mail.ru

Abstract: The article analyzes one of the key thematic lines of Russian poetry – the theme of thought, mind, consciousness. This topic has not been highlighted and considered earlier by the researchers of Russian lyrics, whereas it is important for revealing the poet's worldview, being one of the semantic peaks of his worldview concept, expressed in lyrics. The poetic thoughts of thought form a kind of lyrical phenomenology of consciousness. The material for analysis is formed by the poems about thought, mind, consciousness, selected from Pushkin, Boratynsky, Solovyov, A. Bely, Losev; these poems make a single text with its own development. Thus, a number of deep and subtle observations of the mental life of a man are revealed by Pushkin, who considered thinking to be the meaning of life. The cold devaluating life thought is revealed in the poems of Boratynsky noting the tendency to skepticism in the interpretation of the topic. Poems including the ideas of well-known philosophers as direct quotations are investigated; this technique is studied in the poems of Boratynsky, Solovyov, A. Bely. The article notes a clear separation of thought from contemplations and visions – in Solovyov's lyrics. The line of mind is shown to have reached a culmination in the poetic gnosis of Andrei Bely on the anthroposophical path and in the poetic speculations of Losev, associated with the tradition of Russian Orthodox spirituality. As a conclusion, Russian poems about thought, mind, consciousness and self-awareness indicate that Russian classical poetry and the lyrics of the Silver Age that continue it can be considered, in accordance with A. Bely's characterization, in the context of the stage of self-awareness of Russian culture as a whole.

Keywords: poetic thought, metatext, theme of thought in poetry, poetic reflection, poetic visions, Russian philosophical lyrics, anthroposophical poetry of A. Bely, A. F. Losev's poems.

For citation: Koshemchuk T. A. Lyrical phenomenology of thought in Russian poetry of the XIX–XX centuries. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts.* 2024, no. 1 (52), pp. 105–118. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-105-118>

Если прочитать стихотворения поэта как единый текст, то можно выделить в нем смысловые вершины, отражающие важнейшие лирические темы и скрепляющие стихи в единую концепцию. Эти тематические линии: Бог, молитва, ангел, демон, Россия, поэзия, природа, путь поэта, любовь – проходят через всю русскую поэзию, собирая ее также в единый метатекст. Каждый русский поэт оставил свои стихотворные высказывания в русле этих тем: не мог не написать своей «Молитвы» и своего «богословского» стихотворения, своего «Ангела» (духовного идеала) и своего «Демона» (главенствующего искушения), и эти кульминации, словами А. Блока, есть своего рода «острия», на которых держится «покрывало» целого [5, с. 84].

Все они важны для воссоздания мировидения поэта, концепции, которая в лирике всегда проявляется в ее мгновенных и чаще всего спонтанных отражениях, в отдельные лирические миги; не случайно, по точному пушкинскому слову, стихи поэта – это «летучих дум¹ небрежные созданья» [9, т. 2, с. 232], и стих есть «мгновенной думы долгий след» [9, 5, с. 76]: оба высказывания подчеркивают в поэтической мысли ее беглость и легкость – в отличие от строгой мысли философа. И эти миги сознания обретают незыблемую форму в стихах поэта – именно в этом единстве видимой спонтанности и сокрытой продуманности заключается обаяние поэтической мысли.

Думается, описание этого реконструируемого по отдельным фрагментам целого необходимо для понимания поэта. И в русле этой задачи стоит выделить не исследованную ранее значимую линию. Это *мысль/дума, сознание, ум, самосознание*. Русские поэты обращались к ней, сделав в тот или иной миг творчества свою *мысль* или человеческую *мысль* в целом объектом своего созерцания. А. А. Фет говорил, что главным предметом поэзии является красота мира, значит, и *мысль* поэт воспринимает в этом ракурсе: «...поэтическая *мысль* – только отражение мысли философской и опять-таки отражение ее красоты» [14, с. 55]. Поэтическая мысль, по словам Фета, «не предназначена, как философская мысль, лежать твердым камнем в общем здании человеческого мышления <...>; ее назначение – озарять передний план архитектонической перспективы поэтического произведения...» [14, с. 55]. Так Фет близок Пушкину, когда отмечает не твердокаменность поэтической мысли, но легкость ее.

Поэтическая линия *мысли* прошла особенный путь, образуя особый метатекст; развиваясь в течение XIX века, она с очевидностью кульминировала в начале XX века у двух поэтов, которым будет уделено основное внимание в статье. Это Андрей Белый – поэт, философ и историк сознания. Он писал неустанно и о своем сознании, и об истории как становлении сознания человека, а также сделал *сознание* своей поэтической темой. Второй из поэтов, воплотивший эту тему в немногих своих стихотворениях, – философ, человек ума и чистой мысли А. Ф. Лосев. Здесь точка схождения этих столь разных великих мыслителей XX века, людей *сознания и самосознания*.

При этом, как вырисовывается в статье Е. А. Тахо-Годи, А. Белый умел ценить Лосева как большого мыслителя: автор статьи публикует фрагмент 1930 г. из дневника А. Белого о книге Лосева «Очерки античного символизма и мифологии»: «...можно гордиться, что в такое время в России появилась такая книга... <...> настоящая оригинальная мысль...» [12, с. 301]. А самого Лосева А. Белый оценивает как настоящего философа, который не «философствует», а *мыслит*. В высказываниях же Лосева

¹ Здесь и далее курсив в цитатах и в основном тексте используется для выделения ключевых слов – анализируемых в статье образов.

об А. Белом ощущимо раздражение и неприятие чужеродного, так, в одной фразе из рассказа «Встреча» он выносит не мотивированный в сюжете приговор антропософии, отвергая тем самым и А. Белого как мыслителя-антропософа. Было бы отрадно, если бы А. Ф. Лосев впоследствии не только в оговорке назвал А. Белого гениальным человеком, но сказал о нем то примерно, что А. Белый сказал о Лосеве: А. Белый именно мыслитель, и мысль его – настоящая оригинальная мысль. Автор упомянутой выше статьи делает вывод о связи «противоречивого отношения» Лосева к А. Белому с «двойственным отношением Лосева к символизму в целом» [12, 303]. Но дело не только в этом. Сущность «невстречи» двух мыслителей можно было бы описать и в духе А. Белого, в антропософском ключе: истинное есть всегда «индивидуально истинное» значительных личностей [1, 303]; и из 12 типов мировоззрений (выделенных Р. Штейнером – см.: [15]) каждое верно в своей области и неверно как притязающее на полноту истины; и А. Белый, следуя этой точке зрения, умел ценить несходное: он и Лосев принадлежали к таким столь различным духовным типам, которые можно было бы определить как спиритуализм гностического типа и идеализм логистического типа (см.: [15]).

Обратимся теперь к самой линии ума, прочерченной в XIX веке. Она несет в себе глубокие догадки в наблюдении мыслительного процесса, и эти поэтические рефлексии весьма симптоматичны в истории самосознания русской культуры, – первые наброски поэтической феноменологии мысли. Именно словесно оформленные мысли поэтов о процессе, сути и значении мышления будут в центре нашего внимания, тогда как в стороне останутся многочисленные употребления таких лексем, как мысль, мыслить, думать в обыденном контексте, вне философских смыслов. В «Послании к кн. Горчакову» (1919) А. С. Пушкина легким штрихом дается значимая нота: «...в мыслях волен я» [9, т. 1, с. 335] – речь идет о круге друзей, где ум кипит, а идея свободы понимается как свобода в мышлении: человек свободен в своих мыслях. Эта идея будет продуктивна у А. Белого и у Лосева. Идею же самого бессмертия юный Пушкин («Надеждой сладостной младенчески дыша...», 1823), связывает с бессмертием мысли, описывая это желаемое как допущение:

...душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны... [9, т. 2, с. 142.]

Тогда – продолжается тема – если душа может сохранять в посмертии мысли, то поэт готов был бы улететь туда,

...где мысль одна плывет в небесной чистоте... [9, т. 2, с. 142.]

Так в этом стихотворении важнейшая примета высшего мира для поэта – это небесная чистота как сфера мысли.

Но иная мысль земного ума противостоит этой надежде – идея смерти как небытия, ничтожества, под которым прежде всего понимается отсутствие мысли: «Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!» [9, т. 2, с. 142].

В зрелые годы мышление для Пушкина есть смысл жизни, согласно его известному высказыванию: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» («Элегия», 1830) [9, т. 3, с. 169]. А в потоке перечислений стихотворения «Все в жертву памяти твоей...» (1825) – среди всех острых и значимых переживаний бытия звучит и «...светлых мыслей красота...» [9, т. 2, с. 252]. Это именно подхватит впоследствии Фет, – как то, что прежде всего значимо для поэта.

Вообще, эпитеты мысли у Пушкина многочисленны, и эти отмеченные особенности мыслительного мира чрезвычайно разнообразны: мысли – высокие, блagие, великие, вечные, творческие, порой веселые и приятные, порой – мысль скорбная, ужасная, смутная, ложная, темная, мрачная, а также смерти мысль, которая мила душе; думы – глубокие, грустные, мрачные, мягкие, сладкие, резвые, печальные, унылые, творческие, невольные, тяжелые, зловещие, сердечные, привычные, праздные, долгие, самолюбивые, отважные, жаркие, чистые, летучие, тяжкие, любимые, недвижные, величавые, презрительные. Все эти эпитеты говорят о тщательном наблюдении Пушкина оттенков своей мыслительной жизни.

В стихотворении «Деревня» (1819) отмечается такая особенность мысли, как ее плодотворность в истории. Поэт в своем уединении погружается в чтение и размышление, и голос и думы других поэтов и мыслителей отзываются в нем:

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине. [9, т. 1, с. 318–319.]

Когда в сознании поэта есть вопрос к оракулам веков («...вопрошаю вас!»), звучит их ответ, и он, с его творческой составляющей, есть активная, действенная сила, которая пробуждает жар к трудам. Дума одного поэта зреет в душевной глубине другого, она несет в себе потенцию к созреванию, к росту в другом сознании – такова идея этого пушкинского фрагмента. И мы знаем, что она реализуется в зрелом творчестве Пушкина как способность возвращивать, развивать мысли, найденные у других поэтов и мыслителей,

придавая им большую глубину и зрелость. В этом же ключе прочитанные известные пушкинские строки восполняют приведенную мысль: «Не пропадет ваш скорбный труд // И дум *высокое стремленье*» («Во глубине сибирских руд...», 1827) [9, т. 3, с. 7]. Мысли, рожденные интенцией к *высокому*, – здесь звучит этическая оценка – плодоносны.

В послании «Раевскому» (1822) юный Пушкин подчеркивает сладость и жар мыслительных восторгов:

*Я знал и труд и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.* [9, т. 2, с. 109.]

Чаадаеву он пишет о дисциплине строгих мыслей, их последовательного развертывания («Чаадаеву», 1821):

*Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум...* [9, т. 2, с. 47.]

Выявление двойственности мыслительной жизни, как никому из его современников, было присуще Пушкину: наряду с *вечными и великими* мыслями, он замечает мысли *смутные, темные, ложные*. Можно отметить его особенное прозрение в природу мыслей: посыпаются извне не только *светлые* мысли, дары гения или музы, но и *темные* мысли, вторжения темных духов в процесс познания. Так, речь идет, по сути, о борьбе сил света и тьмы в познании: демон, созерцая ангела, невольно приобщается к чуждой для него сфере – в *познании* природы чувства: «...жар невольный умиленья / Впервые смутно познавал» [9, т. 3, с. 18] («Ангел», 1927). Тёмные инспирации Пушкин описывает в стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836): на городском кладбище (в отличие от сельского) с его неестественными для души человека воздействиями – всё это темное, как в итоге обобщает поэт,

*...такие смутные мне мысли всё наводят,
Что злое на меня уныние находит.* [9, т. 3, с. 338.]

Так вкратце можно описать круг мыслей о природе *мысли* у Пушкина и сделать вывод: он был поэтом *мысли*, причем не тем, что выражал свои глубокие мысли в стихах (сами по себе *мысли* поэта, то есть его мудрость здесь не рассматривается – об этом написано многое и многими), но тем, что постигал сущность *мышления*, включая его в широкую сферу своих поэтических восприятий, делая *мысль* темой своих мыслительных рассмотрений.

Далее отмечу беглым очерком отдельные черты темы. Так, у Боратынского звучат новые эпитеты мыслей – они *живые, крылатые*, у Тютчева – *тайные, таинственно-волшебные*. У Лермонтова мысль, стремящаяся к вечности, – *великая, неземная, небесная, святая, прекрасная, свободная, чистая, легкая*, и – особенный, волевой оттенок: *сила мысли, мысли, дышащие силой, мысль плодовитая, мысль сильная*.

Если же рассмотреть развитие темы в большом контексте русской поэзии, то нужно отметить углубление скепсиса в отношении к мысли. Его ощущимые ноты в понимании мышления звучат у Боратынского в двух коротких и разных по основной идеи стихотворениях, каждое из которых целиком посвящено природе мысли. В стихотворении «О мысль, тебе удел цветка...» (1832) дана идея о плодоносности мысли в ее истории, невзирая на видимость непрочности ее и необратимого угасания. Мысль, подобно *свежему цветку*, привлекает к себе общее внимание в простой образной аналогии стихотворения: мысль – цветок. Но когда цветок/мысль «чередой своей» блекнет, то уделом становится забвение: «...никому в нем нужды нет» [6, с. 167]. И здесь, несмотря на констатацию неизбежного быстрого старения пережитой *мысли*, все же наступает поворот к просветленному итогу: «А тут зерном своим падучим / Он зарождает новый цвет» [6, с. 167]: угасшая мысль невидимо рождает новое цветение смысла.

В стихотворении «Все мысль да мысль!..» (1840) выражено более острое, сложное и драматическое наблюдение – о силе и разящей остроте мысли в искусстве слова, которому служит *бедный художник и жрец ее*: пред ним всегда, неотступно именно *мысли* – о человеке, о свете, о смерти, о жизни и о правде. Иные искусства: «резец, орган, кисть» [6, с. 195] влекут к себе чувственным началом, *не ступая за грань видимого*, и дарят упоение жизнью – «хмель на празднике мирском» [6, с. 195]. И не только сама идея стихотворения, но его ритмические повторы: *всё тут да тут, всё мысль да мысль...* – укрепляет это ощущение – невозможности забвения, ибо перед *мыслью*, пред тобой – говорит поэт, обращаясь к *мысли*:

... как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная. [6, с. 195.]

Так *мысль* воспринимается поэтом как *сила острыя, холодная, даже убийственная, как меч, неотразимая, как луч, и обесценивающая земную жизнь*. Такой в этот миг творчества предстает перед скептическим поэтом *мысль*, которая соответствует критическому строю мышления его эпохи, наступающих сумерек духа, не находящей ключей к живой духовности мира.

Русская поэзия рождает ряд стихотворений о *мысли* в образных сопоставлениях, которые требуют от исследователя раскрытия их тонких смыслов и нюансов, ибо стихотворение – не трактат, но форма, выверенная не то что

в каждом слове – в каждом слоге: *всё тут да тут...* И в потоке поэтических мыслей важно охватывать связи между ними: на многие «нет» у поэтов есть ослепительные «да». Так что все выделяемые здесь мысли о *мысли* и об уме могли бы быть дополнены и отдельными фрагментами – о безумии и алогизме бытия, чтобы восполнить спонтанный и подчас драматический поток летучих дум поэтов.

В общей картине есть яркая страница: поэты обращаются к известным словам того или иного философа. Боратынский добавляет к средствам поэзии и к темам ее – цитатно данную философскую мысль («Мне с упоением заметным...», 1824) и оспаривает ее:

*Меж мудрецами был чудак:
«Я мыслю, – пишет он, – итак,
Я, несомненно, существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь, – я пойму
Скорее истину такую.* [6, с. 120.]

Изыщество и легкость подобных философически-альбомных стихов подхвачена В. Соловьевым. В шутливом ключе он формулирует кантианскую идею, включая и философские термины, в стихотворении «Из письма» (1890), обращаясь к даме в тональности упрощающей шутки:

*Во-первых, объявлю вам, друг прелестный,
Что вот теперь уж более ста лет,
Как людям образованным известно,
Что времени с пространством вовсе нет;
Что это только призрак субъективный,
Иль, попросту сказать, один обман.
Сего не знать есть реализм наивный...* [10, с. 160.]

После чего следует переход в шутливо-личную тональность, из философской преамбулы – в русло любовной темы: «...значит, и разлука, / Как временно-пространственный мираж, / Равна нулю...» [10, с. 160].

Говоря о линии ума в лирике В. Соловьева, нужно отделить от *мыслей* поэта – его духовные *созерцания*, тему Софии в описанных поэтом *видениях* (это отдельная линия в русской поэзии), которые даны, как он сам обозначил в поэме «Три свидания» (1898), «не мысленным движением» [10, с. 125], но, как он описал подобный опыт («В Альпах» (1886), *радостно-мощным* прибоем «мыслей без речи и чувств без названия» [10, с. 37]). Здесь же, в линии *мысли* у русских поэтов речь идет о *мыслях в речи*, о стихах, действующих, как обозначил Соловьев («Отзыв на “Песни из Уголка”», 1898), –

«мысли ясною прохладой» [10, с. 114]. Так что именно *изреченная мысль* поэта при всей ее – памяту Тютчева, рискованности, возможности для нее обернуться, в силу своей *изреченности*, – ложью [13, с. 123]… – прохладная ясность мысли в ее красоте и поэтической непосредственности – это то, что можно назвать собственно поэзией мысли.

Характерно, что у Соловьева порой созерцание рождается в ответ на *мысль*: в стихотворении «Прометею» (1874) ум понимает свое заблуждение – рационалистическую мысль об истоке зла:

...твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет… [10, с. 4.]

И тогда распахиваются небеса и является новый опыт созерцания высшего мира:

...И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одном. [10, с. 4.]

Мысли же о природе зла, не исчерпываемые рациональным пониманием (зло как ошибка ума), Соловьев выразил в стихотворении «В Архипелаге ночью» (1898), когда писал об увиденном, а не о мысленном: «*Видел я в ночном тумане / Всю игру враждебных чар…*» [10, с. 116]. Созерцание сил зла дает неопровергнувшую мысль о духовности мира: «Мир веществен лишь в обмане…» [10, с. 116] – и о реальности злой силы.

Тема *мысли* подхвачена учеником Соловьева А. Белым и в его творчестве развивается в два этапа: сначала как сознание, взятое философски, затем – антропософски. Начало ее – юношеское разочарование в земной жизни, и как результат, по его словам, «душа погружается в *холод* философических раздумий», и в этом *холоде* А. Белый усматривает «и демонизм философии, которая, взятая сама по себе, ведет к чистому люциферианству…» [3, с. 297]. Эта мысль отсылает к упомянутому в начале этой статьи лосевскому неприятию антропософии с позиции чистой философии – А. Белый же говорит о недостаточности философии для его поиска истины и о восполнении ее на антропософских путях. Выраженное и столь своеобразно описанное А. Белым наблюдение о *холоде мысли* звучало ранее у русских поэтов, и оно же дано им в новую эпоху из антропософских оснований. Он видит чистую философию как оставшуюся в прошедшем, а все задержавшееся, пережившее свою эпоху становится люциферически окрашенным: этот дух зла воплощает в себе, по мысли А. Белого, именно стремление удержать отжившее.

Из первых воплощений темы *мысли* у Андрея Белого – стихотворение «Под окном» (1908), в котором соединились образ и словесно выраженная

идея, давшие совместно глубину переживанию поэта – его скептически-иронической реакции на кантианство.

*Взор убегает вдаль весной:
Лазоревые там высоты...*

*Но «Критики» передо мной –
Их кожаные переплеты...*

*Вдали – иного бытия
Звездоочитые убранства...*

*И, вздрогнув, вспоминаю я
Об иллюзорности пространства.* [3, с. 328.]

Мертвенность кантианства, его враждебность живому дается здесь как контраст двух тем: жизни (*лазоревых высот* и *звездоочитых убранств*) и «Критик» – дважды проведенный в композиции стихотворения. «Звездоочитые» – ударная нота, почти: многоочитые, херувимская примета, как и «лазоревый» – традиционно цвет этой ангельской иерархии, «иного бытия», который влечет взгляд поэта вдаль и ввысь. В обеих частях после отточий, венчающих восхождение мысли, следует нисходящее «но» («и»), возвращающее вниз, к предлежащим томам Канта. Взгляд в первой части упадет даже не на сами книги, а на их «переплеты» – их кожаное облачение, кожаные ризы, уподобляя кантианскую мысль обретению душой земной плоти в сюжете грехопадения. Далее во второй части взор поэта снова взмывает ввысь, к звездам, херувимским очам в ночи. Картина этого живого духовного космоса (совсем не кантианского) обрывается – вздрогом воспоминания о кантовской иллюзорности пространства! То есть о той вести, которую несут в себе тома в кожаных ризах. Философу-кантианцу Л. А. Калинникову, давшему свою интерпретацию этого стихотворения, представляется, что лишь «при первом прочтении» видится здесь противопоставление, а далее «...становится ясно, что глубины “Критик” вполне сопоставимы с высотами весенних горизонтов, а иллюзорность бытия – с ясностью бодрствующего “я”» [7, с. 184]. Сведение контраста к звунию (глубин небес и кантовской мысли) приводит исследователя к упрощающей итоговой мысли о неизменности кантианства А. Белого.

Противопоставление явственно звучит и в стихотворении А. Белого «Мой друг» (1908), посвященном неокантианцу Борису Фохту.

*Уж год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.*

<...>

*На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... – метод.* [3, с. 326.]

Этой теории противостоит, опять же, живой мир:

*Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой черный плащ,
Шагает темным силуэтом...* [3, с. 326.]

Противостоит ему и мир культуры и религии – Новодевичий монастырь с его крестами. На живом фоне звучит мертвая мысль, подчеркнутая введенной в поэтический текст сугубо философской лексикой:

*«Жизнь, – шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могилок, –
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.
Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений...»* [3, с. 326.]

Так иронически преподнесена кантианская мысль. Новые же обретения поэта были означенены в стихотворении «Сергею Соловьеву» (1909) как религия: «Мужайся: над душою снова – // Перед рассветным небосклон: // Дивеева заветный сон // И сосны грозные Сарова» [3, с. 355].

Далее начинается антропософский период А. Белого. Приведу стихотворение 1918 г., посвященное М. Бауэру, дорнахскому собеседнику. Его глаза – образ, выражающий мысль об огромности духовного обретения, о преодолении земной ограниченности сознания и выходе его в огромность духовных пространств:

*Речь твоя – пророческие взрывы,
А глаза – таиные прозоры:
Синие, огромные разрывы
В синие, огромные просторы.* [3, с. 379.]

Поток образов-воспоминаний из первой дорнахской полосы жизни, среди которых и кульминация – «купол», Гетеанум в Дорнахе, завершается теми же стихами, но уже не о глазах друга, но расширительно, об огромно-

сти события антропософии: «Синие, огромные разрывы / В синие, огромные просторы» [3, с. 380].

После А. Белого тему ума и сознания в поэзии воплотил А. Ф. Лосев, вводя в стихи такие лексемы, как смысл, ум, дух, умозрение, Абсолют. В стихотворении «Оправдание» им дается поэтический трактат об «уме». Его неоплатонические коннотации, соединившиеся с личным мыслительным опытом, отмечены в статье Е. А. Тахо-Годи [11] – без выявления очевидных различий между неоплатонизмом Плотина, чей трактат перевел Лосев, и позицией самого Лосева. В стихотворении сутью жизни провозглашен «восторг... умозрений» – «видений ума». Ум прежде всего есть

...сердечных таинств ясный свет. [8, с. 172.]

Ум мыслится поэтом как сущность сердечной жизни, не эмпирия ее, но смысл, более: не просто смысл, но «ясный свет», и не просто жизни души, но ее высшего выражения – «тайнств» души. Об этом соотношении ума и сердца поэт говорит утонченной поэтической речью, пронизанной православным духом. Сравним: в переведенном Лосевым трактате Плотина ум – «принцип и исток души» [11, с. 218]. И если ум для поэта Лосева «...не скелет сознанья духа и природы», то у Плотина (лосевскими же словами): ум дает жизни ее «смыловые скрепы и скелет» [11, с. 218]. И здесь требуется подробнейшее сопоставление нюансов в рассудочных средствах Плотина и в образах поэта Лосева, выявление их различий (на которые здесь можно только указать) – для понимания этого уникального лосевского поэтического трактата об уме и о связи ума с сердцем, акцентированной в нем. Ум как *сердечные таинства* в их смысловом взятии – этот образ разворачивается далее: ум есть

*...лик любви в нас сокровенный,
Ее осмысленный узор.* [8, с. 172.]

Здесь еще один возвышающий шаг: ум есть любовь, высшее средоточие сердечной жизни, – в ее сокровенном лице, в ее возведенности к смыслу, то есть осмысленность любви – это и есть ум. И пафос у поэта Лосева не в неистощимости и вечной подвижности потока живой жизни (о чем говорит Плотин в лосевском переводе), но в тончайших нюансах жизни человеческой души и лучшего в ней – ума.

В завершение еще один лосевский аспект:

Ум – средоточие свободы... [8, с. 172.]

Здесь звучит угаданная Пушкиным ключевая тема анализируемого метатекста: *в мыслях волен я*. Свобода – пишет А. Белый: «...Но где она?

Она – или в свободном акте рождения в нас нашей мысли, или – нигде...» [2, с. 372]. В этой грани: свобода есть прежде всего свобода в мышлении, мысль есть залог свободы – сходятся лучшие, плодотворные размышления русских поэтов об уме и о мысли.

В целом русская поэзия XIX века, по оценке А. Белого, снимает с «Я» «этикетки рассудочности» и становится «заострением самосознующего “я”» [4, с. 104], и ее органическое продолжение – поэзия символизма. А. Белый, историк самосознания и историк русской литературы, отмечает: русская лирика чутко и пророчески отражала процессы становления самосознующего «Я», фиксируя черты мыслительного мира своей эпохи и опережая предстоящий в будущем процесс – «стремительное вызревание “Я” самосознания» [2, с. 308]. И рассмотренная в этой статье линия ума, мысли, сознания – целый ряд наблюдений над процессом мысли и лирических рефлексий, что и можно назвать поэтической феноменологией в русской литературе, является одним из конкретных проявлений отмеченного процесса. Эта линия у А. Белого и А. Ф. Лосева, в стихах двух великих мыслителей, на излете истории классической русской поэзии дала свои вершинные воплощения, которые есть не что иное, как свидетельство об этапе самосознания, то есть зрелости русской культуры в целом и как обещание на будущее.

Список литературы

1. Белый А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идеального и художественного развития // Белый А. Символизм как миропонимание. Сост., вступ. статья и прим. Л. А. Сугай. Москва: Республика, 1994. С. 418–493.
2. Белый А. Душа самосознующая. Москва: Канон+, 1999. 560 с.
3. Белый А. Стихотворения и поэмы. Т. 1. Санкт-Петербург, Москва: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. 640 с.
4. Белый А. История становления самосознющей души: В двух книгах. Кн. 2. Сост., подготовка издания, комментарии М. П. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь. Литературное наследство. Том 112. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. 800 с.
5. Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. Москва: Художественная литература, 1965. 664 с.
6. Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
7. Калинников Л. А. Иммануил Кант в русской поэзии (философско-эстетические этюды). Москва: Канон+, 2008. 416 с.
8. Лосев А. Ф. «Жизнь без конца». Стихотворения А. Ф. Лосева и В. М. Лосевой // Лосев А. Ф., Лосева В. М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. Сост. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. Москва: Русский путь, 2005. С. 169–178.

9. Пушкин С. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Ленинград: Наука, 1977–1979.
10. Соловьев В. С. Полное собрание стихотворений. Москва: Книга по требованию, 2021. 262 с.
11. Тахо-Годи Е. А. «Зачем нам нужен опыт помрачения сознания?» // Лосев А. Ф., Лосева В. М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. Сост. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. Москва: Русский путь, 2005. С. 205–222.
12. Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев и Андрей Белый – между восхищением и осуждением // Миры Андрея Белого: к 130-летию со дня рождения Андрея Белого; сост.: И. Делекторская и Е. Наседкина. Белград: Изд-во филологического факультета в Белграде, 2011. С. 295–303.
13. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в 6 томах. Т. 1. Стихотворения 1813–1849. Москва: Классика, 2002. 528 с.
14. Фет А. А. О стихотворениях Ф. Тютчева // А.А.ФЕТ: PRO ET CONTRA». Сост., вступ. статья, comment. Т. А. Кошемчук. Санкт-Петербург: РХГА, 2022. С. 51–67.
15. Штейнер Р. Человеческая и космическая мысль. Санкт-Петербург: Ключи, 2011. 93 с.